

А. П. КАЖДАН

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ГОРОДОВ В IX—X вв.

Для изучения социального состава населения западноевропейских городов исследователи располагают значительным материалом, в том числе и статистическими данными, позволяющими делать важные обобщения.¹ Византинисты лишены подобных источников: при изучении византийского города IX—X вв. исследователю приходится оперировать разрозненными и случайными свидетельствами хроник, житий, писем, поучений и т. п. Кое-каких данных мы могли бы ожидать от археологического материала, однако в настоящее время раскопки в Коринфе, Афинах и других византийских городах еще не позволяют делать выводы относительно социальной топографии города.²

Несмотря на скудость источников, изучение социального состава населения византийских городов представляется необходимым. Многие зарубежные историки, рисуя картину социальных отношений в византийском городе, стараются смягчить остроту социальных конфликтов; эта тенденция присуща, в частности, новой книге Ф. Кукулеса „Быт и общество византийцев“,³ в которой прославляется филантропия византийских цариц⁴ и особенно византийской церкви.⁵ Наша задача в отличие от этого заключается в том, чтобы понять, как социальная структура византийского города обуславливала присущие ему социальные противоречия.

Наряду с этим возникает и вторая задача. Сохранение элементов рабовладельческого уклада и наличие сильной императорской власти должно было наложить определенный отпечаток на социальную структуру византийского города — мы и пытаемся дальше определить своеобразие социального состава населения византийского города IX—X вв.

Низшей социальной категорией населения византийских городов были рабы. Они составляли многочисленную челядь во дворцах императора

¹ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М.—Л., 1936, стр. 31 и сл.; Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII—XV вв. М., 1952, стр. 73 сл.

² Попытку наметить социальную топографию Херсона в XI—XIV вв. на археологическом материале предпринял А. Л. Якобсон (Средневековый Херсонес. М.—Л., 1950, стр. 90). Однако, несмотря на находки отдельных византийских вещей (например: А. В. Банк. Вислая свинцовая печать XI—XII вв., МИА, 34, 1953, стр. 296), Херсон этого времени нельзя считать византийским городом.

³ Ф. Коухоулэс. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς, тт. I—IV, Афины, 1948—1951.

⁴ Там же, т. II, ч. 1, стр. 72.

⁵ Там же, стр. 87 и сл. Впрочем, и Кукулес не скрывает того, что епископы присваивали деньги бедняков.

и высшей знати; городская знать использовала труд своих рабов в ремесле.¹ Собственниками рабов могли быть не только архонты; еще в XII в. Продром гордился тем, что обладал несколькими рабами-челядинцами. Одного-двух рабов имели некоторые константинопольские ремесленники и торговцы: метаксопраты, мыловары, свечники.

Византийское право сохраняло римские рабовладельческие нормы. „У всех народов, — читаем мы в „Василиках“, XXXI, 1, 1, — господа имеют право распоряжаться жизнью и смертью рабов. Все, что рабы приобретают, принадлежит господам“. Хотя ниже мы находим в „Василиках“ утверждение, что у ромеев не принято наказывать рабов „сверх меры (ὕπερ μέτρον) или без законной причины (ἄνευ αἰτίας τοῖς νόμοις ἐγνωσμένης)“, тем не менее эти законы открывают полную возможность для самой жестокой расправы рабовладельца над рабами. „Если господин наказывал своего раба плетьюми или палками или надел на него кандалы, чтобы сохранить (т. е. воспрепятствовать бегству, — А. К.) и от этого раб умер, то господин не несет ответственности.“² Эти нормы соответствовали интересам византийских рабовладельцев, которые нередко мучили и бичевали своих рабов.³ Только в том случае, если можно было доказать, что господин жестоко мучил раба перед смертью (поджигал, колот кинжалом, забрасывал камнями, подвешивал на виселице, травил ядом и т. д.), господина следовало привлечь к ответственности.

Византийское право не признавало владельческих прав раба на его пекулий: при продаже раба пекулий не переходил вместе с ним („οὐχ ἔπειτα τῷ πρᾶθέντι δούλῳ τὸ πελοῦλιον αὐτοῦ“), но оставался в руках господина.⁴

Юридическое бесправие, тяжелое бытовое положение рабов нередко порождало их возмущение. Источники сплошь да рядом упоминают о бегстве рабов. Вопрос о принятии беглым рабом пострига решается в византийских правовых документах по-разному. Юстиниан постановил, что раб, ставший монахом, по прошествии давности в три года признается свободным. Эта норма была воспринята „Василиками“ и даже сохранена в „Синописисе Василик“ (Δ, XXXVIII, 12), несмотря на то, что Лев VI отменил это положение. В IX и X новеллах Лев VI запрещает рабу вопреки воле господина становиться монахом или клириком; он прямо заявляет, что эта новелла Юстиниана служила для многих рабов предлогом, чтобы убраться от своих господ,⁵ и разрешает господину возвращать беглого раба в любое время, не считаясь со сроком давности. Согласно XI новелле, раб должен быть возвращен господину даже в том случае, если он сделался за это время епископом. Новелла Константина VII детально регламентирует размеры той суммы, которую должен был уплатить господин раба лицам, содействовавшим возвращению беглеца.⁶

В других случаях рабы отваживались открыто выступать против своих господ. Так, в „Чудесах иконы богородицы Римской“ рассказы-

¹ Вопрос о степени распространенности рабского труда в византийском ремесле решается по-разному, см.: М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. Уч. зап. Свердл. педагог. инст., вып. 11, 1955. А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. Виз. вр., т. VI, 1953, стр. 136.

² Basil., LX, 59, 1 и схолии к этому параграфу.

³ A. N. S. K. Lexicon Vindobonense. СПб., 1867, стр. 124₁₄; MPG, 111, стр. 725, В.

⁴ Эпанагога, XXIII, 8.

⁵ Jus, III, 82₄.

⁶ Там же, III, 280₃₋₁₇. О беглых рабах см. еще: MPG, 111, стр. 44, D.

вается о рабе торговца, решившемся убить свою госпожу.¹ Рабы вельможи Асилеона вооружились мечами и убили своего господина, жестокости которого они не могли переносить.²

В соответствии с этим византийские правовые сборники устанавливают суровые наказания для рабов, пытающихся оказать сопротивление господам. Рабы, замышлявшие на жизнь господина, подлежали сожжению.³ И эта норма действительно осуществлялась — восставшие рабы Асилеона были сожжены.

Значительная часть городского населения состояла из неимущей бедноты и постоянно пополнялась за счет приходившего в города и особенно в столицу сельского населения. Агиографические источники часто рассказывают о положении константинопольских нищих. Они жили на улицах, ночуя в крытых портиках, в нишах зданий и на папертях церквей, страдая от холода и голода в морозные зимы.⁴ Из их среды рекрутировались поденщики-мистии и строители-техниты, которые тяжелым трудом зарабатывали на самое скромное существование. Из числа таких бедняков выходили и не организованные в цехи ремесленники, которые пытались конкурировать с цеховыми мастерами и сплошь да рядом попадали в зависимость от последних. Тяжелое положение поденщиков, получавших грошевую плату и вынужденных носить грубость и жестокость своих хозяев, обрисовано в многочисленных житийных памятниках.

К поденщикам, составлявшим значительную часть городского населения, тесно примыкали мелкие ремесленники и торговцы, входившие в цехи. Хотя они находились в несколько лучшем положении, чем поденщики, однако постоянно испытывали нужду. Агиографы рисуют образ такого ремесленника, живущего в крошечном домике; работая днем и ночью, он все же не в состоянии вырваться из нужды.⁵ В особенно тяжелом положении находились члены непривилегированных цехов и, в частности, катартари. Замученные безысходной нуждой, они иной раз искали утешения в пьянстве, спуская в кабаке дорогой шелк-сырец; из их среды часто выходили „смутьяны“, которых эпарх и старшины стремились изгнать из цеха.⁶

Вся эта нищая масса рабов, поденщиков, мелких ремесленников и торговцев составляла беспокойный плебс (τὸν ὄχλον), толпившийся постоянно на рынке (κατὰ τὴν ἀγοράν).⁷ Он был особенно многочисленным в Константинополе. Живущий тяжелой, необеспеченной, полуголодной жизнью константинопольский плебс нередко поднимался против господствующего класса. По словам Льва Диакона, константинопольские „нищие (οἱ ἄργοι τοῦ δήμου) и бедняки (ἄποροι) были склонны к грабежу, разрушению дворцов и даже убийству единоплеменников“.⁸ Лев Дьякон, искажая действительность, винит во всем константинопольский плебс; тем не менее его слова рисуют яркую картину ожесточенной классовой борьбы в городе. Особенно резкие выступления народных масс города имели место в период недородов и нехватки продуктов.

¹ E. Von Dobschütz. Maria Romaia, BZ, 12, 1903, стр. 200₂.

² Th. Cont., стр. 839₁₈.

³ Syn. Basil., Δ, XXXVIII, 17.

⁴ А. П. Рудаков. Очерки по истории византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 210—211.

⁵ Там же, стр. 146.

⁶ Книга эпарха, VII, 6.

⁷ Th. Cont., стр. 339₁.

⁸ Leo Diac., стр. 94₂₁.

Византийские хроники рассказывают о голоде и хлебной дороговизне в правление Василия I, когда толпа голодных и мрачных (*σκληροπάρχοιτες*) людей окружила императора и стала жаловаться ему на необычайную высоту хлебных цен. Напуганный император приказал открыть царские амбары и продавать зерно в 24 раза дешевле, чем на черном рынке.¹

Недовольство вызывали и размеры платы за помещения (*ἐνοικία*), которая в Константинополе была, повидимому, высокой. О недовольстве размерами квартирной платы в Константинополе свидетельствует тот факт, что Роману I пришлось провести выплату *ἐνοικία* всем гражданам в связи с возросшей задолженностью бедноты.²

Византийским императорам постоянно приходилось считаться с константинопольским плебсом, заигрывая с ним и задабривая его. Скилица, анализируя неудачу Иосифа Вринги в борьбе с Никифором Фокой, подчеркивает, что причиной этой неудачи явилось неумение в трудных условиях польстить плебсу (*ἐχλον κολλαεῦσαι*). И далее он прямо заявляет, что толпу необходимо смягчить приятными и льстивыми речами.³

Заигрывание с константинопольским плебсом не сводилось к одним только речам: византийские императоры должны были проводить политику раздач. Хотя „Пасхальная хроника“ говорит, что хлебные раздачи были полностью отменены в 618 г.,⁴ источники IX—X вв. нередко упоминают о раздачах хлеба городскому плебсу, осуществлявшихся императорами.⁵ Устраивали раздачи и константинопольские патриархи: Антоний Кавлей, например, кормил тысячу человек, которые получали хлеб по особым тессерам, розданным им заранее.⁶

Византийские императоры, стремясь отвлечь народные массы от политических выступлений, устраивали зрелища. Этой цели служили торжественные процессии и триумфальные въезды императоров, когда город украшали цветами и тканями и сооружали специальные палатки для пленных и добычи;⁷ этой цели служили также и игры на ипподроме.⁸

Константинопольское население, и в том числе плебс, пользовалось некоторыми политическими привилегиями. По сообщению Константина Багрянородного, некоторые низшие должности дворцовой службы могли отправлять только жители Константинополя: только они могли нести службу диетариев Великого дворца и других дворцов, службу мандаторов и т. п. Все эти должности были, разумеется, платными.⁹

В то же время византийские императоры стремились по возможности ограничить действия беспокойного константинопольского плебса. Во время переворота 969 г. Иоанн Цимисхий позаботился прежде всего о том, чтобы обойтись без этого опасного союзника. Лев Дьякон отме-

¹ Cedr., II, стр. 373.

² Th. Cont., стр. 429₂₂. Ср. также Ps. Luciani Philopatris, cap. 20.

³ Cedr., II, стр. 349₁₀.

⁴ Chron. Pascha'le, стр. 711₁₄. Ср.: Ph. Koukoules, L'assistance aux indigents dans l'Empire byz., Mém. L. Petit, Paris, 1948, стр. 262.

⁵ В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования, вып. II, СПб., 1893, стр. 31₅; MPG, 108, стр. 1010; De cerim., стр. 344; Th. Cont., стр. 418₇, 430₁₄₋₁₈, 472₁₇; Leo Diac., стр. 178₁.

⁶ А. И. Пападопуло-Керамевс. Сб. греч. и лат. памятников, касающихся Фотия патриарха. СПб., 1899, вып. 1.

⁷ De cerim., стр. 499. См. еще: Leo Diac., стр. 24₁₋₃, 28₁₃.

⁸ L. Bréhier. La civilisation byzantine. Paris, 1950, стр. 102.

⁹ De cerim., стр. 699₁₋₄.

чает эту особенность переворота 969 г. „Если обычно, — пишет он, — крупные перевороты сопровождались большими восстаниями (πολλῆς στάσεως) и смутами, теперь народ (δῆμον) сохранял порядок и глубокую тишину“.¹ Если Никифор, придя к власти, предоставил константинопольскому плебсу возможность грабить дома своих политических противников, то Иоанн Цимисхий начал с того, что запретил — под страхом смертной казни — покушаться на чужую собственность и устраивать грабежи.² Это постановление, по словам Льва Диакона, было направлено против „рыночной толпы“ (ἀγοραίου ὄχλου).³

Своеобразие положения константинопольского плебса заключалось, таким образом, в его двойственности. С одной стороны, он в силу своего бедственного, экономически крайне неустойчивого положения принадлежал к угнетенной и эксплуатируемой части населения Византийской империи. Мистики, ремесленники, городские рабы выступали со специфическими требованиями, стремясь к улучшению своего экономического положения, к увеличению заработной платы, хлебных пайков и т. п. С другой стороны, константинопольский плебс жил в известной степени за счет „щедрот“ императора, патриарха, высших вельмож. Среди константинопольских бедняков значительное место занимали люди, которые вели, по сути дела, паразитическое существование, наподобие плебса античных городов. По существу, этот плебс получал в виде подачек известную долю прибавочного продукта, выколачиваемого господствующей верхушкой из крестьян в форме централизованной ренты, а также некоторую часть военной добычи.

Но коль скоро константинопольский плебс был заинтересован в задачах, в подачках, которые он получал от государства, в зрелищах, которые устраивали византийские императоры и полководцы, то, естественно, он был заинтересован в активной внешней политике Византийской империи. Очень важные данные об отношении плебса X в. к внешней политике империи мы находим в Житии Андрея Юродивого. Андрей Юродивый, как и его агиограф, проводил всю жизнь в константинопольских трущобах, хорошо знал надежды плебса и мог их выразить. Андрей, перефразируя слова пророка Исаяи, предсказывает, что скоро прекратится война — он разумеет междоусобную войну — и мечи превратятся в серпы, дротики — в шести, а копыя — в орудия для обработки земли.⁴ При этом Андрей понимает, что для установления внутреннего мира необходимы известные материальные предпосылки: поэтому он рисует будущее в сказочных очертаниях: „В то время по воле божией откроется все золото, скрытое в разных местах... и все вельможи императора разбогатеют и будут подобны царям, а все бедняки станут архонтами“.⁵

Но не одними только сказками о золотых кладах утешал своих слушателей Андрей. Он рисовал и другие возможности достижения богатства империи. Эти возможности, по его мнению, коренятся в восставлении величия Византии. Как бы забывая об им самим приведенных словах Исаяи, Андрей с ненавистью говорит об агарянах: бог поднимает на них императора ромеев, и их дети будут преданы огню. „И опять к царству ромеев будет присоединен Иллирик, и Египет повезет свою дань. Царь наложит десницу на море и подчинит «русые

¹ Leo Diac., стр. 98₅.

² Там же, стр. 94₁₈.

³ Там же, стр. 95₂.

⁴ MPG, 111, стр. 853, С.

⁵ Там же, стр. 856, В.

племена»¹ и смирит врагов под рукой своей».² Иначе говоря, Андрей считает, что активная внешняя политика может стать источником внутреннего мира и обогащения константинопольского плебса.

Городскому плебсу, „толпе“ (ὄχλος), хроники нередко противопоставляют „народ“ (λαός). Продолжатель Феофана, описывая похороны Константина VII, говорит прежде всего о множестве магистров и патрикиев, которые шли за гробом; затем он добавляет: „Что же сказать о собравшемся народе (λαός) и черни (ὄχλος) города?“.³ В рассказе о восстании Константина Дуки он также различает ὄχλος и λαός.⁴ И другие источники проводят разграничение в среде горожан, выделяя из их числа „почтенных граждан“ (γυναικῶν πολιῖται), которые противопоставляются остальным гражданам и иногородним.⁵ „Книга эпарха“, III, 1 и VII, 5 также упоминает „почтенных граждан“ (χρήσιμοι). „Почтенными“ гражданами являлись, как это можно видеть из „Книги эпарха“, не все члены цеха, но лишь наиболее богатые мастера и купцы.⁶

Эту группировку мы не можем ни в коей мере отождествлять с патрициатом западноевропейских городов, поскольку зажиточные ремесленники и торговцы, трапезиты и судовладельцы Константинополя не обладали политической организацией, ни тем более политической властью.

Экономическая противоположность двух группировок константинопольского населения ослабляла силу народных движений и создавала для господствующего класса возможность маневрировать в трудных условиях. Это, в частности, проявилось во время бурных событий августа 963 г., когда константинопольский плебс поддержал Никифора Фоку против паракимомена Иосифа Вринги. После первого столкновения между войсками паракимомена и константинопольским плебсом Иосиф Вринга предпринял попытку привлечь на свою сторону константинопольских цеховых мастеров. Вставка в „Книге церемоний“ рассказывает, что Иосиф Вринга вел переговоры с коллегией булочников, стремясь принудить их прекратить выпечку хлеба; он рассчитывал тем самым угрозой голода принудить константинопольский плебс к прекращению борьбы. В „Книге церемоний“ нарисована яркая картина событий 9 августа: Вринга обращается с угрозами к столичному плебсу (ὄχλος), а затем скачет во весь опор в квартал булочников, чтобы убедить их не печь хлеб и не торговать им.⁷

Повидимому, в 913 г. правительству удалось расколоть демократические элементы Константинополя: городской плебс стоял на стороне Константина Дуки, тогда как зажиточные торговцы и ремесленники поддерживали правительство во главе с Николаем Мистиком.⁸

¹ Τὰ ξενικά γένη — так византийцы называли франков и лангобардов (Псевдо-Маврикий, XI, 4).

² MPG, 111, стр. 856, А.

³ Th. Cont., стр. 467₂₀.

⁴ Там же, стр. 382₁₇.

⁵ Пира, XXVI, 10.

⁶ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в., стр. 18.

⁷ De cerim., стр., 435₂₁.

⁸ Вопрос этот должен быть рассмотрен специально; отмечу сейчас лишь, что о поддержке, оказанной Константину Дуке константинопольским населением на ипподроме, единодушно говорят все хроники. В дальнейшем имя Константина Дуки принял вождь народного восстания в Опсикии Василий Медная рука. О том, что константинопольские „торговцы и повара“ поддерживали Николая Мистика, прямо свидетельствует житие патриарха Евфимия — см.: А. П. Каждан. К истории политической борьбы в Византии в начале X в., Ученые записки Тульск. пед. инст., вып. III, 1952.

В провинциальных городах социальная борьба нередко принимала форму выступлений горожан против центральной власти, эксплуатировавшей города путем взимания разнообразных поборов. К сожалению, в наших источниках сохранились лишь краткие упоминания таких возмущений. Житие Илариона Грузина свидетельствует об антиправительственном выступлении в Солуни в конце IX в. В житии рассказывается, как в Солунь прибывает чиновник из Константинополя, привозящий императорский указ, который зачитывается на своеобразном народном собрании, в присутствии всего народа. Императорский указ вызывает взрыв негодования, и горожане — по общему согласию, как подчеркивает агиограф, — начинают забрасывать царских посланцев камнями.¹ О возмущении политикой императора Михаила III в маленьком эмпории Акрит рассказывают византийские хроники.² В 913 г., вскоре после смерти императора (Александра), произошло возмущение в городе Неаполе, жители которого изгнали архиепископа, поставленного Николаем Мистиком, и избрали на его место нового.³ В 915—916 гг. жители Афин закидали камнями наместника Хасе, сына Иувы, жадность которого оказалась совершенно невыносимой.⁴

Особенно часто поднимали восстания жители Херсона (Херсонес). В правление Льва VI они убили стратига Симеона, сына Ионы.⁵ Константин Багрянородный подробно описывает те меры, которые должны быть приняты после получения известия о восстании в Херсоне. Корабли херсонцев, находящиеся в Константинополе, должны быть захвачены, моряков следует заковать в оковы; кроме того, надлежит послать чиновников в фемы Букеляриев, Пафлагонию и Армениак, чтобы захватить находящиеся там херсонские корабли.⁶

Повидимому, в конце X или в начале XI в. Херсону удастся временно добиться независимости, но в 1016 г. византийское правительство послало флот против восставших и подавило восстание.⁷

Особую категорию городского населения составляли мелкие и средние землевладельцы. Византийские города IX—X в., даже такие крупные, как Солунь и Никея, были связаны с сельским хозяйством: Иоанн Камениата считал земледелие одним из основных занятий жителей Солуни.⁸

Представление о горожанине-землевладельце дает житие Василия Нового. Автор этого жития Григорий рассказывает о себе интересные подробности. Он называет себя бедняком (*πένης*), но в то же время говорит, что у него близ Редесто был проагий, который обрабатывал

¹ *Analecta Bollandiana*, 32, 1913, стр. 266—267.

² *Th. Cont.*, стр. 831_{11—20}.

³ *MPG*, 111, стр. 373, А.

⁴ *Th. Cont.*, стр. 388_{8—11}. Датировка см.: J. Dujsé, *BZ*, 41, 1941, стр. 485.

⁵ *Th. Cont.*, стр. 360₁₅.

⁶ *De adm. imp.*, сар. 53.

⁷ Известие о восстании в Херсоне в конце X или в начале XI в. воссоздается на основании комбинации следующих данных. На свинцовой печати, найденной в Херсоне, упомянут Георгий Цула, названный протоспафарием и стратигом Херсона (В. Н. Юргевич, *Записки Одесск. общ. ист. древн.*, 14, 1886, стр. 1; 15, 1889, стр. 41—43). В то же время Скилица рассказывает о походе византийского флота против „Хазарии“, закончившемся подчинением страны и пленением Георгия Цулы, названного здесь правителем страны (*ἀρχων τῆς χώρας*) (*Sedr.*, II, 464₉, А. Л. Якобсон (ук. соч., стр. 16) произвольно считает Цулу хазарским правителем и выдвигает необоснованную гипотезу о захвате Херсона хазарами. Е. Ч. Скржинская (*Виз. вр. т. VI*, 1953, стр. 266 и сл.) показала, что в 1016 г. византийский флот был послан для усмирения Херсона.

⁸ *Th. Cont.*, стр., 500₄.

мистий по имени Александр. Сам же Григорий жил в Константинополе, приезжая в свое владение лишь в страдную пору.¹

Господствующий слой населения византийских городов составляла знать: архонты и дианты, как их именуют источники. Это были крупные землевладельцы, чиновники и военачальники.

Столичная знать существовала в значительной мере за счет присвоения прибавочного труда непосредственных производителей в централизованной форме — в виде податей, которые затем уже распределялись между отдельными ее представителями. Лиутпранд сообщает некоторые сведения относительно тех сумм, которые византийские вельможи получали из казны. Так, domestик шол и друнгарий флота получали по 48 литр в год, магистры — по 24 литры, патрикии — по 12 литр.²

Кроме регулярного жалования, византийские чиновники получали от императора определенные подарки в дни царских праздников: рождения императора, бракосочетания, коронации и т. п. Они получали сплошь да рядом подарки натурой — мясом³ или дровами.⁴ Иногда вельможу ждали богатые подарки после какой-нибудь удачной шутки, сказанной за императорским столом.

Далее, византийские чиновники имели право на определенные поборы с населения. Судьи получали от самих тяжущихся вознаграждение, которое носило название „ἐκταγή“:⁵ оно должно было идти на нужды судей и на содержание их слуг.⁶ Устанавливая, что вознаграждение судьям должно было соответствовать затраченному ими труду и времени,⁷ византийское правительство открыло широкую возможность для всякого рода злоупотреблений чиновников. В других случаях ἐκταγή взималась в соответствии с размером имущества, являвшегося предметом тяжбы.⁸

Сборщики податей также должны были получать особые суммы (συνήδεα и ἐλατίζον) непосредственно от налогоплательщиков; эти повинности составляли около 23% государственного канона.

Чиновники пользовались правом постоя и, кроме того, должны были получать от населения содержание, что в грамотах XI в. именуется „ἐνοχὴ πρῆχτόρων καὶ ἀρχόντων, διατροφή“ и т. п. При этом Эклога VII, 8 указывала, что поездки чиновников, так называемые γύραι, должны были производиться только по государственным нуждам; если же архонтам приходится ехать по своим делам, пусть они едут на свой счет, не обременяя подданных. Константин Багрянородный сравнивает с γύραι полюдые русских князей.⁹

Не ограничиваясь „законными“ способами наживы, византийские чиновники выжимали большие доходы, используя свое административное положение. В византийской литературе постоянно встречаются жалобы на жадность сборщиков податей, на своекорыстие судей, на

¹ С. Г. Виллинский, Записки Новоросс. унив., Ист.-фил. фак., VII, 1911, стр. 318—320.

² Liutprandi Antapodosis, VI, 10.

³ De cerim., стр. 490₂₁.

⁴ J. Burg. The Imperial Administrative System in the 9th Century. London, 1911, стр. 145₃.

⁵ Jus., III, стр. 257₁₇.

⁶ Там же, стр. 257₁₃.

⁷ Там же, стр. 269₁₁.

⁸ Там же, стр. 257₈.

⁹ De adm. imp., сар. 9. См.: Н. Попов. Спорное место в сар. IX De adm. imp. Константина Багрянородного. Byzantinoslavica, 3, 1932, стр. 92.

взяточничество.¹ Чрезвычайно любопытные сведения о способах обогащения чиновников содержит житие Сампсона. В нем рассказывается о странноприимном доме, во главе которого стоял простат. К странноприимному дому были приписаны многочисленные имения, приносящие огромные доходы, но они присваивались простатом и близкими к нему лицами, а для странников сплошь да рядом не оказывалось даже оливкового масла. Служащие были настолько негодны и нерадивы, что, по словам агиографа, преподобному Сампсону приходилось несколько раз вставать из гроба и карать этих чиновников.²

Трактаты по военному делу прямо говорят, что сборщики податей извлекают для себя таланты золота из крови бедняков, которых они подвергают побоям.³ Новеллы императоров также полны жалоб на вымогательство чиновников (особенно новелла Романа I от 934 г.); в частности, они свидетельствуют, что чиновники брали взятки за освобождение стратиотов от военной службы.⁴ Быстрое обогащение сулило и взимание торговых пошлин.⁵

Чиновники обогащались и путем открытого присвоения чужого имущества.⁶ В житии Антония Нового рассказывается о том, как вельможа бросил „святого“ в тюрьму и не выпускал оттуда, рассчитывая получить с него выкуп.⁷ Чиновники брали взятки, используя свое знакомство с высокопоставленными лицами.⁸ Иной способ обогащения рисует хроника Скилицы, рассказывающая о том, что стратиг Калабрии Кринит скупал у населения фемы съестные припасы по дешевой цене и перепродавал их арабам за большие деньги.⁹

Таким образом, основным источником обогащения византийских чиновников служили централизованная рента и их административные права, открывавшие путь ко всевозможным вымогательствам.

В то же время византийские вельможи владели и земельными массивами. Хроники неоднократно упоминают расположенные в далеких фемах проастии и икосы, принадлежавшие константинопольской знати. В синаксарной повести о Фоме Дефуркине рассказывается, что некий константинопольский вельможа имел владения на р. Сангарий.¹⁰ Свидетельство нарративных источников подтверждается и законодательными памятниками. Эпанагога, XXIII, 19 (существенно, что этот параграф является новым постановлением, не повторяющим буквально какое-либо положение римских юристов) запрещает чиновникам приобретать земли от подчиненных им лиц: полученный таким образом участок должен быть возвращен прежнему хозяину. Эпанагога свидетельствует, следовательно, что чиновники стремились всячески расширить земельные владения, используя свои административные права. Согласно LXXXIV новелле Льва VI константинопольская знать приобрела право владеть землей в разных частях страны.

В то же время константинопольская знать пыталась захватить в свои руки некоторые отрасли ремесла и торговли. „Книга эпарха“ (V, 4)

¹ См., например, у Фотия: MPG, 102, стр. 937, D; 957, В—С.

² А. П. Рудаков, ук. соч., стр. 97.

³ Leo Diac., стр. 239₂₃.

⁴ Jus, III, 265₂₉.

⁵ Th. Cont., стр. 367₁₇.

⁶ F. Dvornik. La vie de Grégoire le Décapolite. Paris, 1926, стр. 55₂₂.

⁷ Православный палестинский сборник, XIX, 3, 1907, стр. 209.

⁸ Th. Cont., стр. 362₁.

⁹ Cedr., II, стр. 358₂.

¹⁰ H. Delehaye. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxelles., 1902, стр. 293₄₇.

разрешает константинопольским вельможам приобретать у сирийских купцов не больше шелковых тканей, чем это необходимо для нужд своего дома (ἐν τοῖς ἰδίαις οἰκοῖς). Это показывает, что константинопольские архонты пытались приобретать ткани и для торговых целей, конкурируя с прандиопратами. Константинопольские вельможи имели в своем распоряжении ткачей по шелку, и, хотя им запрещалось изготовлять ткани высших сортов, эти ткачи ткали шелк для самого архонта и для его свиты, а также, видимо, и для продажи. В то же время архонты стремились использовать метаксопратов и катартариев для того, чтобы через подставных лиц приобретать шелк.

Константинопольские вельможи направляли своих рабов в цехи, конкурируя тем самым со свободными ремесленниками.

Архонты имели свои корабли. Хроника продолжателя Феофана содержит рассказ о большом корабле августы Феодоры, который привез в Константинополь съестные припасы и пристал недалеко от берега. Император, правда, осуждает августу за участие в торговле и приказывает сжечь корабль,¹ но все же этот факт показывает заинтересованность части знати в торговле.

Знать принимала участие в хлебной торговле²; наконец, архонты сдавали мастерам помещение для эргастериев, взимая за это энойкион.

Чиновная знать Константинополя не предстает перед нами как родовитая знать — процесс ее консолидации еще далеко не завершен. Ее состав мог пополняться за счет верхушки торгово-ремесленных кругов, имевших возможность купить чин, разбогатевших клириков, отличившихся стратиотов и — в иных случаях — слуг и рабов императора. Даже на императорский престол в IX и начале X в. могли проникать люди незнатного происхождения. Так, Лев V Армянин, Михаил II Заика, Василий I и Роман I по происхождению не принадлежали к знати. Однако среди императоров второй половины X в. нет незнатных лиц.

Отсутствие замкнутости господствующего класса византийских городов не означало его слабости. Наоборот, оно упрочивало его господство, так как он пополнялся за счет энергичных представителей угнетенных классов. „Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство“.³

Особое место в византийском городе занимали духовенство и монашество. Не ставя сейчас своей задачей всестороннюю характеристику византийского духовенства и монашества, я хотел бы только указать, что социальный состав их был также сложен: церковная верхушка (епископы и патриаршие чиновники, игумены и экономы) резко противостояла младшим монахам и клирикам, которые сплошь да рядом являлись фактически непосредственными производителями, эксплуатируемыми духовной знатью. В соответствии с этим внутри самой церкви имели место социальные противоречия и социальная борьба. Клирики и младшие монахи открыто выступали против владык церкви, против византийского государства. В житии Игнатия рассказывается о клирике из Диррахия по имени Гивон, который, явившись в Константинополь, стал выдавать себя за сына незадолго до того низложенной импера-

¹ Th. Cont., стр. 88 сл.

² Например: Cedr., II, стр. 353; Leo Diac., стр. 64₅.

³ К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1951, стр. 615.

трицы Феодоры. Константинопольский плебс приветствовал самозванца. Однако правительству кесаря Варды удалось быстро подавить назревшее восстание: Гивон был схвачен, и его предали казни, предварительно отрубив руки и выколов глаза.¹ Фотий писал о монахах одного монастыря, которые провели в своей обители „демократическую реформу“, присвоив себе власть и суд над собственным игуменом. Фотий считает их действия незаконными.² Николай Мистик в письме стратигу Эллады жаловался на серьезные волнения клириков Фиванской церкви, которые учинили беспорядки и бунт:³ волнения клириков стали настолько серьезными, что патриарх просит стратига вмешаться в эти события и унять беспорядки. В другом письме Николай Мистик упоминает о монахе Иларионе, который „по наущению дьявола“ учиняет смуту.⁴ О возмущении в монастырях Афона, направленном против протоса Иоанна Фокина (конец X в.), говорится в житии Афанасия Афонского;⁵ однако протос нашел поддержку у императора Василия II.⁶ В житии Михаила Маленна повествуется о монахе Кириаке, которого агнограф презрительно именует вором и человеком, пренебрегшим собственным спасением. Михаил Маленн многократно поучал Кириака, но тот не раскаивался, а все более укреплялся в своих грехах, пока, наконец, не решился поднять руку на своего игумена: ночью он прокрался в келью Маленна, собираясь его зарезать,⁷ — случившееся во-время чудо спасло „святого“. Эпизод, которому агнограф старается придать характер уголовного происшествия, на самом деле отражает те противоречия, которые существовали между представителем крупнейшего рода малоазиатской знати, основателем и настоятелем монастыря Маленном и рядовым нищим монахом, страдавшим от бесконечных попреков и дисциплинарных взысканий феодала в монашеской схиме.

В настоящей работе я старался показать чрезвычайную пестроту и сложность социального состава византийских городов и прежде всего — Константинополя. Социальные противоречия византийского города (IX—X вв.) были сложны и многообразны. В византийских городах давали себя знать не только противоречия между мастерами и не организованными в цехи ремесленниками, между мистиями и хозяевами, между богатыми и бедными мастерами, — здесь выступали со своими требованиями рабы и городской плебс, а интересы чиновной знати приходили в столкновение с требованиями ремесленников и торговцев. Положение отдельных категорий городского населения было двойственным и противоречивым. Так, константинопольские мастера были связаны с двором и знатью, которых они обслуживали в первую очередь, имели возможность проникнуть в состав чиновной знати — и в то же время испытывали на себе гнет феодального государства и эксплуатацию феодальной аристократии. Городской плебс, с одной стороны, принадлежал к экономически крайне неустойчивой части византийского населения, а с другой (это относится в первую очередь к константинопольскому плебсу) — получал в форме раздач определенную

¹ MPG, 105, стр. 505.

² MPG, 102, стр. 884, В.

³ MPG, 111, стр. 221, А.

⁴ MPG, 111, стр. 261, В.

⁵ *Analecta Bollandiana*, 25, 1906, стр. 71₁₃.

⁶ Там же, стр. 72₃.

⁷ *Revue de l'Orient chrétien*, 7, 1902, стр. 562₁₆₋₁₉.

долю прибавочного продукта, выкачиваемого из крестьянства. Вельможная знать Константинополя, эксплуатировавшая городскую бедноту, нуждалась в то же время в политической поддержке константинопольского населения, ибо столичное чиновничество вело на протяжении X в. упорную борьбу за ренту с провинциальной феодальной знатью.

Эта противоречивость социальных интересов обуславливала сложность городских движений в Византии конца IX и X в.
